

П.Л.БЕЛКОВ

Дети лейтенанта Проппа. Часть I. Нет Бога, кроме Проппа, или Барышня с бубном.

«Что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? Ты иной раз метаясь как угорелый, дело подчас так спутаешь, что сам сатана не разберет, в титуле поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера?»

Гоголь «Записки сумасшедшего»

Начиная серию очерков о кунстнауке в основном в области изучения фольклора, я еще не представлял предмет исследования во всей его широте. Между тем, очень похоже, что Пропп стал героем научных анекдотов, чем-то вроде Чапаева или Штирлица. Среди авторов, работающих в этом жанре, возникают группы, специализирующиеся на почитании не только «Морфологии сказки», но также «Исторических корней волшебной сказки». Помимо прочего выясняешь для себя, что даже для занятий кунстнаукой нужно владеть хотя бы минимальными профессиональными навыками.

В целом лекция А.Л.Барковой «Исторические корни волшебной сказки В.Я.Проппа»¹ напоминает одновременно лекцию по научному атеизму (в этом игриво-безапелляционном стиле, как это было принято в поздние советские времена), и экскурсию по Петербургу под руководством самодеятельного и самоуверенного гида-китайца, который мимоходом, но очень авторитетно сообщает своим соотечественникам, что Ленин – внук Петра Первого. (Конечно, для подробного психоанализа этой лекции не следует надеяться только на свои личные познания. Надо бы взять на вооружение всю мировую художественную литературу. Но мы за неимением места ограничимся русской.)

В своей книге, с которой нам, вероятно, тоже придется познакомиться, А.Л.Баркова говорит, что будет «заниматься мифологическим мышлением»².

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=-vtfEEGWrQg>

² «Как пишется в умных книгах XX века, мифологическое мышление строится на тождестве противоположностей. На самом деле никакого мифологического мышления нету. Оно не мышление, мышление бывает только логическим. М и ф о л о г и ч е с к о е м и р о в о с п р и я т и е (выделено особой интонацией. – ЛБ)» (1: 47: 38). И так, «никакого мифологического мышления нету». Слышит ли ученая дама, что говорит, читает ли, что сама же и пишет? Или желание пнуть предшественников по любому поводу все затмевает? Но это еще полбеды. В «умных книгах» не только прошлого, но и нынешнего века пишется о так называемых бинарных оппозициях, которые снимаются в ходе медиации, а не о «тождестве противоположностей» говорится в философии, особенно марксистской. Вы, конечно, не обязаны соглашаться с Леви-

Вот она им и «занимается», весьма предупредительно проведя границу между собой и аудиторией (ваш номер шестнадцатый и т.п.). Как она говорит: «вещи очевидные для кандидатов и докторов наук, не очевидны для современной интернетной массы» (4: 35). Вероятно, она хотела сказать: вещи известные?

Так и всю лекцию объединяют в некое подобие целого не очень плавные переходы от комплиментов (ведь мы же с вами умные люди!) до тихих окриков (дураки вы все несчастные!).

В связи с этим вводится специальный тезис о «резком культурном взлете» в современном российском обществе, который привел к понижению среднего уровня, хотя в элите, к которой лектор по умолчанию причисляет и себя, все осталось по-прежнему и еще выше (4: 14). Присутствующие на лекции из числа среднестатистических граждан, разумеется, исключаются. (Билеты дорогие, что ли?)

Так, по словам лектора раньше о шаманизме, говорили несколько десятков профессионалов, а сейчас – десятки и сотни тысяч. Как-то очень интересно все это слышать, твердо зная, что книги по мифологии и фольклору выходили тиражами в десятки, а то и сотни тысяч экземпляров, и на полках в книжных магазинах они не залеживались. Образованные все шибко были.

В качестве примера своей бескомпромиссной борьбы с поверхностным образованием приводится дискуссия ВКонтакте с «некой барышней», которая, «наткнувшись» на А.Л.Баркову, возымела претензию написать, что использует шаманские практики, т.е. входит в транс с помощью бубна. Лектор делает в адрес «оппонента» ряд насмешливых замечаний в том смысле, что уровень умственного развития несчастной барышни настолько низок, что отчитывать ее жалко, а что-то объяснять – есть пустая потеря времени (7: 47).

[Ср.: «Сначала я объявил Мавре, кто я. Когда она услышала, что перед нею испанский король, то всплеснула руками и чуть не умерла от страха. Она, глупая, еще никогда не видала испанского короля. Я, однако же, старался ее успокоить и в милостивых словах старался уверить ее в благосклонности, и что я вовсе не сержусь за то, что она мне иногда дурно чистила сапоги. Ведь это черный народ. Им нельзя говорить о высоких материях».]

Хотя, если честно, эта «барышня» не написала ничего глупого. Вхождение в транс с использованием бубна действительно является шаманской практикой, а на научное определение понятия шаманизма она и не претендовала. Но эта невинная жертва лектору была необходима, чтобы озвучить свои далеко идущие планы. А программа, ничего не скажешь, с большим замахом. Это ни много, ни мало как «немножко наше представление о шаманизме поставить с головы на ноги» (7: 59). Научные представления о шаманизме в последние десятилетия, кажется, не слишком изменились, следовательно, лектор претен-

Строссом, но не делайте из него Ленина. Кроме того, понятие мировосприятия (формы осмысления действительности) не может быть противопоставлено понятию мышления, поскольку в действующих дефинициях относится к нему как род виду.

дует на установление «просвещенного шаманизма» в широких народных кругах. Вообще, лектор старается говорить на языке доступном простому народу, т.е. рядовым жителям интернета по известной методике изучения городского фольклора на уроках словесности в школе, вроде: «Не женитесь на курсистках, они толсты как сосиски!» Публика внимает с радостным благоговением.

Впрочем, лекция как таковая начинается с торжественного заявления «Нет Бога, кроме Проппа», хотя и с некоторой иронией, непонятно только к кому, то ли к себе, то ли к Проппу. Затем по какой-то совершенно невероятной филиации мыслей (см. название лекции) лектор вдруг вырывается на просторы шаманизма. Немного порассуждав о том, что шаманизмом теперь интересуются все кому не лень, автор берет быка за рога: «Что общего между Проппом и шаманизмом? – Чуть больше, чем все!» (5: 17). И ничего здесь не поделаешь, ибо логика неумолима: «А вдруг они не золотые? – Нет, вы видели, а?! А какие же они по-вашему?»

Ну, разумеется, все слышали о Проппе и все слышали о шаманизме (читай: о «Бобруйске»). А тут Пропп да еще и шаманизм! По всем правилам риторики с этого момента внимание публики мгновенно приковывается к говорящему. Мол, сейчас услышим что-нибудь интересненькое. А состоит оно в следующем. Как утверждает А.Л.Баркова: «В своей прекрасной книге «Исторические корни волшебной сказки», рассматривая определенные явления человеческой культуры совершенно справедливо указывает на то, что они проявлены в культуре шаманизма» (5: 34). Эта фраза, несколько туманная сама по себе, не имеет никакого отношения к книге Проппа, которого интересовало нечто противоположное: как именно шаманизм, проявляется в «определенных явлениях человеческой культуры», *то есть* в особенностях композиции волшебной сказки.

Далее лектор буквально «срезала» людей, по ее мнению, не знающих, что такое шаманизм. Указывается литература, которую не следует читать (Элиаде) и которую следует читать (Потапов). Итог подводится такими словами: «Собственно говоря, и внимательного чтения Проппа вам хватит, когда вы будет обращать внимание на то, что он пишет по шаманизму» (10: 18). Как раз внимательное чтение показывает, что Пропп ничего не писал «по шаманизму». Он использовал материалы и выводы других ученых в поисках «исторических корней» композиции, мотивов и образов волшебной сказки, или, как выражается А.Л.Баркова, «приводит необходимые нам цитаты» (5: 50). А, может быть, все-таки попытаться найти книги., из которых взяты цитаты?

Однако цитировать работы по шаманизму и писать введение в шаманизм под кодовым названием «Исторические корни волшебной сказки» – разные вещи. В терминах лектора, это явное «рассогласование названия и содержания» (6: 18)

Обрушиваясь огромной массой своего интеллекта на Элиаде с его постыдным определением шаманизма как «техники экстаза», лектор обращается к не называемой ею книге Д.А.Функа, который, по ее словам, «четко различает шаманов и шаманствующих, то есть экстаз – это не обязательно признак шамана» (11: 05). На робкую реплику одного из слушателей относительно посреднической роли шамана, лектор победоносно отвечает в том духе, что тогда шаман ничем не отличается от жреца (11: 28). Действительно, о чем тут еще говорить, если человек не знает даже, что такое фрикасе?

Книгу Элиаде «Шаманизм. Архаические техники экстаза» многоуважаемый лектор «крайне не любит», поскольку в основе этой книги якобы лежит представление о том, что «шаманизм – это какой-то выход из себя» (9: 35). В этой связи ей хотелось бы посоветовать еще больше не любить книгу Юбера и Мосса, в которой они отождествляют мага с индивидом «способным отделять свою душу от тела», рассматривая эту способность в качестве основного принципа магии, т.е. того, что, по их мнению, весьма неудачно именуется шаманизмом³.

В формулировке самой А.Л.Барковой, «шаман – это человек, который действует при помощи духов-помощников» (11: 50). Здесь она вновь вспоминает девушку, которая с помощью бубна вводит себя в состояние экстаза: «Понятно, что она – никакой не шаман, поскольку никаких духов-помощников у нее нету, только бубен. У неё есть только бубен» (12: 34). Можно подумать, что наличие или отсутствие духов-помощников можно зафиксировать как наличие или отсутствие бубна. Вероятно, лектор на секундочку забывает, что, определяя шаманизм, мы говорим о системе представлений, а не о реальных вещах, которые поддаются физическим измерениям. «Есть у тебя духи-помощники – ты шаман, нет у тебя духи-помощники – ты не шаман (12: 56). (Между прочим, наивная «барышня с бубном» совершенно права. В традиционной культуре именно так: есть у тебя бубен – ты шаман, нет у тебя бубна – ты не шаман. Как писал Широкогорov: «К костюму же можно отнести и бубен, без которого шаманить, безусловно, нельзя»⁴)

Наконец, лектор выдает определение шаманизма «от неё», которое, как она сама скромно и в то же время непринужденно выразилась, «довольно неудобное, но имеет тот недостаток, что оно правильное». А вот и оно: «Шаманизм – это поту- и посюсторонняя социальность» (15: 13).

[Ср.: «Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все как на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною в каком-то тумане. И это все происходит, думаю оттого, что люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове, совсем нет: он приносится ветром со стороны Каспийского моря»]

³ Hubert H., Mauss M. *Theorie general de la Magie* (1902-1903), p.27.

⁴ «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов» (1919) С.М.Широкогорова считается одним из лучших трудов по шаманизму.

В своих комментариях к данному определению лектор, как и во всех других случаях, на уровне анекдотов⁵ рассказывает о злоключениях шаманов в мире людей и в мире духов, но, как из этих примеров вывести понятие шаманизма, показать так и не смогла. Как говорится, бог ей в помощь, но ни одно из существующих понятий в науке не было выведено из примеров. Вероятно, лектор хотела сказать, что шаман является одновременно членом сообщества людей и членом сообщества обитателей потустороннего мира. Однако зачем так усложнять хрестоматийное определение шамана как проводника между двумя мирами? Да затем, что, как мы видели выше, ученая дама категорически отрицает это определение.

Далее лектор начинает растолковывать сущность камлания. «Шаманизм в принципе строится на понятии двойников» (24: 39). В этом пункте она уже забыла, что говорила ранее, а именно: «шаман – это человек, который действует при помощи духов-помощников». Теперь она говорит, что традиций, где «некий человек действует посредством духов-помощников» столько, сколько культур в мире и «чуть-чуть побольше», но «шаманизм в чистом виде – это вообще специфически сибирское явление» (29: 09).

Так и не произнеся ни слова о камлании, лектор возглашает: «Так вот, соответственно, если мы от шаманизма перейдем к Проппу, Владимир Яковлевич в соответствующих разделах своей книги очень подробно... собственно он даже не сам пишет, он просто приводит цитаты, огромные цитаты, из классических работ по шаманизму, о том, что шаман без духов-помощников... (обращение к аудитории) Что может шаман без духов-помощников? Ну почему ничего! Он может сдохнуть от горя... Если шаман лишается своих духов-помощников, то это скорее всего означает, в общем, его очень скорую смерть» (32: 48).

И далее: «Так что Пропп во всех случаях, когда он упоминает шаманизм и волшебного помощника, он просто приводит цитаты, из Штернберга и из других классических работ по шаманизму, о том, что шаман действует только и исключительно посредством духов-помощников» (34: 21). Повторим еще раз. Проппа интересовали волшебные помощники сказочных героев и только в этом аспекте – духи-помощники шамана.

Итак, от Проппа к шаманизму и от шаманизма к Проппу. Зачем при решении «проблемы шаманизма» понадобился Пропп, остается непонятным. Верно, что можно «сдохнуть от горя».

Приведем же место из работы Штернберга, которое цитировал Пропп и которое произвело такое сильное впечатление на лектора. В нескольких строках

⁵ Здесь лектор, возможно, не отдавая себе полного отчета, вступает в жесткую конкуренцию с известным популяризатором науки Климом Жуковбергом.

здесь умещается все, о чем пытался говорить лектор на протяжении более получаса, и из этого никак не вытекает то, о чем говорится в лекции.

"Сверхъестественная сила шамана покоится не в нем самом, а в тех духах-помощниках, которые находятся в его распоряжении. Это они изгоняют болезни, они ведут шамана в самые отдаленные, недоступные обыкновенному смертному места, чтобы отыскивать и выручать душу больного, они помогают приводить душу умершего в загробный мир и они внушают ответы на все запросы, предъявляемые шаману [его поклонниками и клиентами]. Без этих духов шаман бессилен, шаман, потерявший своих духов, перестает быть шаманом, иногда даже умирает" (Штернберг 1936, 141).

Так что Пропп в своей книге ничего не пишет (как выражается наш лектор, «собственно он даже не сам пишет») о духах-помощниках шамана, он пишет о волшебном помощнике сказочного героя, видя в первых прообраз второго. Скорее всего, лектор когда-то случайно наткнулась на эту цитату из работы Штернберга в работе Проппа и была ею так поражена, что неожиданно для себя взяла да прямо из нее и вывела собственную теорию шаманизма, а точнее говоря, теорию шамана.

Добавим, что и из слов Штернберга можно вывести только голый этнографический факт, который состоит в том, что по традиционным представлениям у шамана есть духи-помощники. Сама того не ведая, лектор спутала квантор общности с квантором существования.

Еще один словесный кульбит – и снова о камлании, духах-двойниках, духах-помощниках. Впрочем, несколько предложений о камлании, а все остальное – о чем угодно, кроме камлания. При этом лектору, кажется, все едино – что алтайский шаманизм, что амурский.

При рассказе о потерянном двойнике человека, за которым шаман отправляется в потусторонний мир, лектор по какой-то странной ассоциации сопоставляет их с Колобком и Красной шапочкой. Так появляется, мягко говоря, нетривиальное осмысление сказки «Красная шапочка», основанное на доморощенной теории, что героями сказок являются либо мертвые, либо отправляющиеся в мир мертвых (43: 12, 45: 20).

«Красная шапочка – это умерший во младенчестве ребенок. Напугать, да? Очень страшная сказка. Красная шапочка – это признак младенца, вернувшегося с того света. Жила-была женщина, у нее родилась дочка, дочка спустя какое-то время умерла. Женщина очень горевала по умершей дочке – это бывает с мамами! Она горевала так сильно, что дочка к ней вернулась. А это, между прочим, русская сказка о Снегурочке. Только не Островский, а вот настоящая. Там, жили-были дед и баба; не было у них детей, и они себе сделали ледяную, то есть из мира смерти внучку. Последствия были так плохи, что стало понятно, что Снегурочку срочно надо расплавить, а Красную шапочку отправить к бабушке... Вы себе представили: чаща леса, там стоит дом; в нем живет одинокая бабушка. На слове «живет» можно, по моему, смеяться. Ну вот, значит (неразборчиво), мать поняла, что надо девочку отправить к бабушке, отнести бабушке гостинцы. Потому что мертвым не место среди живых. Дальше ей встречается волк-проводник. Ну, вы же все знаете, что сказка

хуже всего кончилась для волка. Вот... Потому что сказка предостерегает волков заговаривать с незнакомыми девочками посреди леса, особенно безобидно выглядящими. Вот, поэтому считайте, что сказка хеппи эндом, то есть мертвую девочку отправили в мир мертвых. Живые остались живы, мертвые остались в мире мертвых. Равновесие восстановлено. Значит, скажем так. Что тут, во-первых, все-таки, сказка литературная. Это раз. И, во-вторых, я думаю, что тут просто мотив смерти как поглощения он усилен, потому что сказка, так сказать, заканчивается-то, все-таки, в народном варианте тем, что съели девочку. Поэтому тут просто усиливается мотив поглощения. Все-таки, она уже обработана. Так вот это, значит, бишь, было к слову...».

Этот пассаж представляет для нас наибольший интерес с точки зрения своеобразного и неожиданно для такого верного адепта Проппа совсем непропповского анализа сказки. Но, поскольку данный фрагмент придется разбирать уже буквально по словам, оставим его описание для отдельного разговора.

Пока ограничимся иллюстрацией (Рис.1) общего уровня лекции в виде отклика на нее одного из тех самых рядовых интернета⁶, который, не будучи профессионалом, все-таки позаботился найти источник основной, хотя и не слишком общепризнанной идеи, предлагаемой нашим лектором, и проявил гражданское мужество, усомнившись в якобы незыблемом положении о Красной шапочке как пришельце из мира мертвых (полужирный шрифт. – *ЛБ*):

"Славянские древности", т.3, статья "Красный цвет"

"...на покойника надевали маленькую красную шапку (ср. хорватскую быличку о явлении умершего ребенка в красной шапочке)".

Приплыли.

Не, что волк - проводник в мир мертвых, это классика, это первый курс "Мифологии". Что бабушка, одиноко живущая в чаще леса, - это что-то подозрительно напоминающее нашу Ягу, умершую прародительницу, это тож факт.

Но что вот сама Красная Шапочка из той же компании... ой.

Сделайте меня развидеть эту сказку про мертвую девочку, которая решила вернуться в мир мертвых, по дороге ей встретился волк (он принадлежит обоим мирам) - и увел ее куда следует окончательно и бесповоротно (мы же помним фольклорный финал, например, по фильму "Мужчина и женщина", да-да?).

А если мы возьмем общеизвестный финал, то полуживого волка эти две мертвые героини загубили. Тоже ничего. В любом случае Красная Шапочка остается там, где ей и положено, - в мире мертвых, с бабушкой. Ибо нефиг мертвым делать среди живых. Мне просто жутко от завязки, которая там вычитывается.

Жила-была женщина. У нее умерла дочь, но вернулась к ней с того света. Женщина осознала, что надо всё-таки мертвую девочку отправить в мир мертвых назад, и дала ей ритуальную пищу...

Фсё, с этого места можете рассказывать вашим детишкам.

Если сможете ;)

Рис.1.

После экскурса в мир сказки лектор телеграфным, но живым языком все-таки описывает шаманское камлание. И вот наступает торжественный момент истины: «Иными словами, я хочу подвести вас к тому, что с позиций сугубого материализма (см. выше о научном атеизме. – *ЛБ*) что такое шаманское дей-

⁶ См.: <https://galactikka.com/news-5a62fef1bd0470a8538b46dc>

ство? Это работа с гормонами, потому что, где мостик между нашим сознанием и нашей физиологией, обменными процессами в организме? Этот мостик – гормоны, всплеск гормонов, которые мы получаем. А что делает профессиональный шаман? Он делает целенаправленный всплеск гормонов у себя, у больного, у присутствующих» (50: 35).

[Ср.: «Впрочем, за все это вознаградило меня нынешнее открытие: я узнал, что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями».]

Подвела как «подвела»! И как все это понимать? Как крупный вклад в изучение шаманизма? К тому же через скомканное описание шаманского камлания, то и дело прерываемого авторскими репликами в сторону, подобраться к гормонам довольно трудно и тем более трудно после этого вернуться к Проппу.

Однако для нашего лектора, обладающего магической способностью привязывать что угодно к чему угодно, не существует невозможного:

«И, соответственно (?!!), возвращаясь к Проппу, чтобы, все-таки, к нему вернуться и о нем поговорить побольше, поскольку в первую голову я вам обещала Проппа, то, соответственно, Пропп обращается к традиции шаманизма, когда пишет о духах-помощниках, которые, как мы с вами прекрасно знаем, в сказки до фига и больше. Причем есть сказки, где дух-помощник у нас, в общем, один, да? Какой-нибудь волк и Иван-царевич. Вот вам, пожалуйста. То есть волк как проводник между миром живых и мертвых, он все это будет делать» (51: 51).

У Проппа, как кажется, все выглядит несколько сложнее. «В истории помощников можно в основном наметить три ступени или три звена. Первое звено — приобретение помощника во время обряда посвящения, второе — приобретение помощника шаманом, третье — приобретение помощника в загробном мире мертвецом. Эти три звена не следуют механически друг за другом. Это — ориентировочные вехи, указывающие направление развития»⁷.

Однако в заключительной главе «Сказка как целое» Пропп говорит только о двух циклах, обнаруживающих соответствие со сказкой, – цикле инициации и цикле представлений о смерти⁸. В том, что касается шаманизма, в самом конце Пропп замечает, что шаманские рассказы о камланиях не обнаруживают соответствия сказке в целом, но только совпадение с отдельными элементами, такими, как странствие или полет сказочного героя⁹. Таким образом, шаманизм для Проппа не является главным термином ни при построении его модели волшебной сказки, ни тем более при выделении предмета исследования с целью каких-либо самостоятельных выводов о сущности шаманизма.

⁷ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986, с.185.

⁸ Там же, с.353.

⁹ Там же, с.360.

Между тем, по мере слушания лекции обстановка накаляется, становится все интереснее и интереснее. Пропп, шаманизм, Пропп, гормоны и снова Пропп. Иногда мало знать, что говорить, надо еще знать, чего говорить не следует. Что будет дальше, увидим в следующей части.

Пока можно сказать, что перед нами, в сущности, не такое уж безобидное явление. С одной стороны, все выглядит очень забавно, как если бы Глеб Капустин из рассказа «Срезал» Шукшина не вопросы «на засыпку» задавал (кстати, слишком часто используемый прием в лекции А.Л.Барковой), а сам читал лекцию по проблеме шаманизма заезжему филологу, роль которого в нашем случае отводится Проппу. Во всяком случае уровень, на котором он говорил о шаманизме, кажется, несколько не ниже уровня, заданного самой А.Л.Барковой.

С другой стороны, становится уже не так смешно, когда видишь, что лектор буквально упивается своей властью над абсолютно незащитной аудиторией. Вспомним, в самом начале была явно неслучайно озвучена разность социальных статусов лектора и аудитории (к вопросу о «поту- и посюсторонней социальности»). Да и действует А.Л.Баркова точь-в-точь как шаман («шаманствующий») во время камлания, рассказывающий зрителям о своем путешествии в иной мир. Только вместо битья в бубен – манипуляции шикарной тростью, заменяющей собой опахало в женском шаманизме. Все, о чем говорится, находится по ту сторону науки, хотя и похоже на науку. Используя образ А.Л.Барковой, это не дельфин, это акула, хотя и очень похожа на дельфина (31: 56).

[Ср.: «Она (Мавра. – ПБ) испугалась оттого, что находится в уверенности, будто все короли Испании похожи на Филиппа II. Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства и что у меня нет ни одного капуцина...»]

И, по-видимому, рассматриваемый нами случай не единичный, из ряда вон выходящий. Это целая система «максимально удобного высшего образования». Однако уже сейчас приятно осознавать, что Пропп полностью выпадает из этой системы, которую он сам академически корректно называл исследованиями философско-дилетантского характера.

Так что национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» не совсем по праву попадает на первые страницы книги исторической знати российского гуманитарного образования. Университет УНИК в рассматриваемом отношении несомненно является структурой *своего рода гораздо более древнего рода*. А ведь есть еще Европейский университет, в котором, по слухам, работы Проппа не очень-то жалуют («старье», говорят). Однако, это-то и придает особую пикантность творениям кандидатов и докторов Санкт-петербургских наук.

И опять все дело в Проппе. Это Пропп создал лекала рассуждений по поводу семантики образов и мотивов. Вся современная «фольклористика» строится на этом. Пропп и в этом был первым, до него никто не пытался рассуждать на языке, теперь называемом «семиотикой и типологией фольклора». Однако сам-то Пропп (вот хитрец!) создавал теоретические объекты, абстрагируя от материала, а последователи Проппа в этой области, – абстрагируя от абстракций, своих или чужих, причем стараясь не думать про то, что в основе этой школы лежит язык¹⁰, на котором написана книга Проппа «Исторические корни волшебной сказки».

В этом плане особенно выделяются работы С.Ю.Неклюдова. Создается впечатление, что именно этой школе (московско-тартуской, всея Руси и прочая, прочая, прочая) пытается подражать наш неподражаемый лектор. Однако и шаманские практики в науке требуют владения определенными знаниями и навыками в составлении «текстов» (и особенно «нетекстов»). В такого рода фольклорном «текстоведении» необходимо в совершенстве владеть неоззоповским языком, особой, я бы сказал, тончайшей техникой иносказаний. Говорить ни да, ни нет, ни белое, ни черное, но так, чтобы вместе с тем передать от себя слушателю или читателю впечатление (с точностью до ощущения) некой интеллектуальной «сытости». Как устами Леонида Броневого мудро изрек один сельский доктор: «Когда доктор сыт, так и больному легче».

Продолжение следует

¹⁰ В соссюровском понимании. – *ЛБ*.